

А.С. АМАНЖОЛОВ

**ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ
СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СЛОВ
(на основании данных древнетюркского языка)**

Мақалада түркі тілдерінің синтаксистік байланыстар жүйесі қарастырылып, меңгеріле байланысқан етістікті сөз тіркестері көне түркі ескерткіштері тілі деректері негізінде талданады.

Рассматривая систему синтаксических связей в тюркских языках, автор статьи анализирует глагольное управление в словосочетаниях на основе данных древнетюркского языка.

Considering the system of syntactic relations in the Turkic languages the author analyzes the verbal control in phrases on the basis of the ancient language.

Синтаксис словосочетания, составной частью которого являются словосочетания, построенные на управлении, характеризует наиболее специфические стороны грамматического строя тюркских языков, их синтаксическую типологию. Вопрос о синтаксической связи слов в словосочетании и в предложении имеет два аспекта: внутренний (смысловой, логический) и внешний (формы или способы выражения внутренних, смысловых связей или отношений). «...Синтаксические категории, – отмечал видный датский лингвист О.Есперсен, – подобно двуликому Янусу, обращены и к форме, и к понятию. Они находятся посередине и представляют собой соединительное звено между миром звуков и миром понятий» [1, с. 59-60]. Объективные отношения предметов и явлений окружающего нас мира и обусловленных ими представлений выражаются более или менее абстраги-

ровано в каждом конкретном языке различными синтаксическими связями (отношениями)* между словами: предикативными, определительными (атрибутивными), обстоятельственными (циркумстантивными), объектными и др. Само собой разумеется, что смысловые (лексико-семантические) отношения между словами в словосочетании и предложении, являясь отражением реальной действительности [2, с. 31], бесконечно богаче и разнообразнее синтаксических связей – продукта абстрагирующей умственной деятельности человеческого коллектива.

Предикативная связь несет в себе сообщение о действительности, что характерно для предложения как основной единицы речевого общения. Словосочетание, в отличие от предложения, не является коммутативной единицей речи [3, с. 498]. В тюркском языкознании, в основном, признается, что предикативные отношения (связи) возможны только между подлежащим (субъектом) и сказуемым (предикатом) в составе предложения [4, с. 202-203; 5, с. 5]. В то же время в тюркском языкознании вполне установлено, что предикативные связи, находящие свое выражение в категории сказуемости, исторически развивались из определительно-обстоятельственных связей, из спряжения глагольных имен [6, с. 43; 5, с. 6-7].

Объединенные одинаковой синтаксической функцией, но независимые по отношению друг к другу слова в предложении (однородные члены предложения) вступают в сочинительные отношения. В отличие от сочетания таких слов, словосочетание всегда предполагает зависимость одного слова от другого.

Между господствующим и зависимым компонентами словосочетания устанавливаются подчинительные синтаксические связи (отношения) – определительные, обстоятельственные и объектные. Определительные синтаксические связи обобщают зависимые смысловые отношения между признаком и его носителем. Обстоятельственные синтаксические связи указывают на различные зависимые смысловые отношения (пространственные, временные, причинные, образа действия и т.д.) между качественно-определяющим признаком и действием или признаком. Объектные синтаксические связи указывают на различную степень направленности действия на предмет (прямой или косвенный объект), либо на обратную направленность прямого или косвенного объекта на психофизическое вос-

* Понятия «синтаксические связи слов» и «синтаксические отношения между словами» в лингвистической литературе обычно отождествляются.

приятие субъекта. При этом переходное действие (или его негативная разновидность – чувственное восприятие), выражаемое глаголом переходной семантики, конкретизируется, определяется зависимым объектом (именем существительным). Следовательно, синтаксические объектные связи обнаруживают органическое единство со смысловыми (лексико-семантическими) отношениями сочетающихся имени и переходного глагола [7, с. 56]*.

Синтаксические связи между словами в каждом языке выражаются своими синтаксическими (порядок слов) или морфологическими (словоизменятельные формы) средствами. «Средства выражения синтаксических отношений являются одним из тех элементов, из которых складываются типологические особенности языка» [8, с. 3].

Основными способами (типами) синтаксических связей в тюркских языках, как и в русском языке**, обычно считаются согласование, управление и примыкание. «В языке орхон-енисейских памятников, – отмечает проф. В.М.Насилов, – уже достаточно стабилизировались три типа словосочетаний, которые продолжали дифференцироваться в ходе исторического развития многочисленных тюркских языков: примыкание, т.е. композиция слов в их основной форме без аффиксального обозначения грамматических отношений, управление, когда зависящее слово оформляется в определенном падеже под влиянием управляющего слова, согласование, которое является взаимодействием категории лица в имеющихся компонентах словосочетания. Кроме того, существуют изафетные словосочетания, выражающие релятивные или посессивные взаимоотношения составляющих компонентов, что формально выражается личным аффиксом принадлежности» [9, с. 71]. Имеющие место в исследованиях по современным тюркским языкам попытки выделения других типов синтаксических связей обусловлены различным пониманием языковых явлений. Так, в определительных словосочетаниях типа киргизского *окуучу китеби* «ученическая книга» (так называемый II тип «изафета»): определение выражено существительным

* В целом же остается справедливым замечание Ж.Вандриеса: «Расхождение между грамматикой и логикой состоит в том, что грамматические категории и логические очень редко покрывают друг друга; почти никогда число первых и вторых не совпадает» (Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М., 1937. – С. 112).

** «Многообразию форм сочетания слов, принадлежащих к разным частям речи, соответствует разнообразие синтаксических отношений между членами словосочетания. В русских грамматиках со времени Буслаева и Потебни принято все это многообразие сводить к трем основным категориям синтаксических связей (или отношений): согласования, управления и примыкания» («Грамматика русского языка». Т. II. Синтаксис, Ч. 1. – М., 1954. – С. 22).

в неоформленном падеже, определяемое – существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица) обнаруживают «соприложение» [10, с. 174], согласование [8, с. 12] или примыкание [11, с. 39]; в определительных же словосочетаниях типа киргизского *окуучунун китеби* «книга ученика» (так называемый III тип изафета): определение выражено существительным в притяжательном-родительном падеже, определяемое – существительным с аффиксом принадлежности) находят управление [12, с. 374; 13, с. 8; 14, с. 24; 11, с. 39; 15, с. 18], согласование [8, с. 12; 16, с. 74] или даже «соподчинение» [17, с. 19]*. По причине такой несогласованности мы вынуждены остановиться на характеристике основных типов синтаксических связей слов в древнетюркском языке.

Согласование (грамматическое уподобление) в тюркских языках является способом выражения предикативных и определительных связей посредством морфологических показателей лица и числа. Согласование в языке памятников древнетюркской письменности может выражаться в лице и, реже, в числе между подлежащим и сказуемым**, между определением, выраженным притяжательным местоимением или существительным в форме притяжательного-родительного падежа, и определяемым именем существительным (соответственно глагольным именем в функции предикативного компонента развернутого члена предложения). Например: *Inim Kültegin kergäk bolti, özim saqıñtim* (КТб., 50) «Мой младший брат, Кюль-Тегин, скончался, я же заскорбел»; *Biz jemä sülädimiz, anı ertimiz* (Тон, 44) «Мы еще воевали и преследовали их»; *Beş jüz erän kelti* (Ха. 11) «Пришло пятьсот мужей»; *Meniñ sabimın simadı* (Xb, 14; КТм., 11) «Моей речи (на памятнике) они не исказили»; *Toyan quşıñ tırnağı ögüşipän qalijı barmış* (ThS, 67) «Когти сокола вцепились (в зайца), и он (сокол) поднялся ввысь»; *Olarnıñ taşmışın körüp, ol Kü-taw beg ötrü olarnı oqıju, inča, tep tedı: «Elänlar, edgülärım! Men tirilmişqä sizlär negülük anča ked qaçars sizlär?»* (Suv., 5) «Увидев их бегство (или: увидев, что они побежали), тот начальник по имени Кю-тау начал тогда звать их и сказал: «Приблизьтесь, мои хорошие! Почему это вы так быстро убегаете при моем воскрешении?».

* В грамматической литературе давно уже бытует термин «соподчинение», однако он имеет совсем другое значение: соподчинение придаточных предложений по отношению к главному. В 3-м лице сказуемое морфологического показателя не имеет, однако своей «неоформленностью» противостоит сказуемым в других лицах и, следовательно, «согласуется» со своим подлежащим.

** В 3-м лице сказуемое морфологического показателя не имеет, однако своей «неоформленностью» противостоит сказуемым в других лицах и, следовательно, «согласуется» со своим подлежащим.

В рунических памятниках согласование в лице при выражении предикативной связи и связи определительной (когда определение выражено притяжательным местоимением или существительным в притяжательном-родительном падеже), т.е. в случаях, аналогичных приведенным выше, иногда совершенно отсутствует*. Например: *Eki biñ ärtimiz, biz eki sü bolñi* (Тон., 18) «Нас было две тысячи, нас стало два войска»; *Bizdiñ sü atı turıq, azuqı joq erti* (КТб., 39) «Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было»; *Üçinç Jegin Silig begiñ kedimlig torıy at binip tegdi* (КТб., 33) «В третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг-бега и произвел атаку».

Интересно отметить также необычное с точки зрения современных тюркских языков отсутствие согласования в 1-м и 2-м лицах между подлежащим, выраженным возвратным местоимением *өзүм* «я сам», *өзүң* «ты сам», и сказуемым в «Кутадгу билиг»: *Özüm arzuladı anıñ qabıına* (QBW, 296) «Я сам пожелал быть при его дверях (т.е. в услужении у него)»; *Jazuq özri qolduñ, özünj* (QBN, 593) «Ты просил прощения своих прегрешений – (и вот) ты спасся». Между посессивным подлежащим (*özüm* исторически означало «моя самость, мое естество», *özünj* – «твоя самость, твое естество») и «неоформленным» сказуемым в приведенных выше примерах наблюдается «согласование» в 3-м лице.

Примыкание как способ выражения подчинительных связей посредством порядка слов характеризуется в лингвистической литературе «не только синтаксической зависимостью и соседством двух слов, но и морфологической неоформленностью примыкаемого» [18, с. 70]. Если приемлемо такое традиционное понимание примыкания по отношению к языку памятников древнетюркской письменности, то факты заставляют нас выделить вслед за М.Д.Лесником [19, с. 29] особый способ связи слов – так называемое «падежное примыкание» (морфологическое оформление примыкающего слова падежным аффиксом) – в определительных словосочетаниях

* Так, еще В.В.Радлов подметил: «...Когда в древнетюркском языке ставится впереди Genitiv равно как и Genitiv местоимения, местоименный аффикс 3-го лица может не прибавляться, что во всех остальных тюркских языках невозможно» (Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge. – СПб., 1897. – С. 104). Ср. отмечаемые в живой разговорной речи сочетания типа: казах. *Сен жақсы* «Ты хороший», *біздің колхоз* «наш колхоз»; узб. *Кўшиниң тинч, сен хам тинч* (поговорка) «Спокоен твой сосед, спокоен и ты»; *Биз эски солдат, жонидан* (Айбек) «Мы старые солдаты, дорогой». См.: С.Аманжолов. Қазақ тілі ғылыми синтаксисінің қысқа курсы (Краткий курс синтаксиса казахского языка в научном освещении). – Алма-Ата, 1940. – С. 36, 94; Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.–Л., 1960. – С. 350.

типа *biziñ sū* «наше войско» (КТб., 39), *siziñ ep at* «ваше геройское имя» (Е. 2613), *Bajırquniñ aq adyiriy* (КТб., 39) «белого жеребца из Байырку» и, в равной мере, между интонационно обособленными или в какой-то степени адвербиализованными падежными формами имен, выступающими в предложении в роли различных обстоятельств (времени, места, причины, образа действия, сравнения и т.д.), и сказуемыми (именными или глагольными), например: *Teñri elim-kä elčisi ertim* (Е, 1) «Я был посланником у божественного моего государства»; *Teñri elim-tä jemlig ben* (Е, 3) «В моем божественном государстве я (теперь) добыча» (представляющий пищу для воронья и зверья, ср. узб. *емтик* «пища, еда», казах, *жемтик* «падаль»); *Ani subiy baralim* (Тон., 27) «Да отправимся мы (именно) рекой Аны!»; *Altun jisiy jolsuz-ın asdim* (Тон., 35) «Я без дороги перевалил Алтунскую чернь»; *Jalğus-un jorijur* (ThS, 59) «Он ходит в одиночку»; *Kül tegin qon jil-qa jeti jegirmi-kä uçdi* (КТб., табл. XIX) «Кюль-Тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день»; *Irig söz-kä ayırır köñül* (QBQ, 200) «От резких слов скорбит (болит) сердце»; *Oot-qa köjmägaj* (Tis., 49a) «Он не сгорит в огне».

Стремясь к большему уточнению и расчленению системы способов выражения синтаксических связей в различных языках, И.И.Мещанинов в числе других выделил синтаксический прием оформления самостоятельных по своему значению в предложении слов (членов предложения), который он назвал «сепаратизацией» и противопоставил связям слов в словосочетании [18, с. 29]. Несомненно, что словосочетания как реальные языковые единицы всегда выступают не сами по себе, а только в предложении, этом «главном средстве формирования, выражения и сообщения мысли» [20, с. 389]. Поэтому «падежное примыкание» (см. вышеприведенные примеры), отличающееся как от примыкания, так и от управления, можно в какой-то мере сопоставить и с синтаксическим способом (приемом) сепаратизации. Следует лишь отметить, что этот способ характеризует не столько связи слов в словосочетании, сколько их соотносимость в структуре целого предложения.

Собственно примыкание в языке памятников древнетюркской письменности, как и в современных тюркских языках, является обычным синтаксическим способом выражения определительных и обстоятельственных связей в именных и именно-глагольных словосочетаниях [9, с. 71]. Например: *Ol amtı anıy joq, türk qağan Ötükän jış olursar, eltä buñ joq* (КТм., 3) «Если в Отюкенской черни сидит (т.е. обитает) тот тюркский каган, у которого

нет теперешней порчи, то в племенном союзе нет скорби». В этом весьма характерном для древнетюркских памятников предложении почти все слова (за исключением обстоятельственного сочетания *elte joq* «в государстве нет», где мы усматриваем «падежное примыкание») связаны между собой способом примыкания и, в целом, определенным порядком расположения (зависимый компонент примыкает к следующему за ним господствующему компоненту, иногда следующему даже через несколько слов): определительная связь – *ol qaγan* «тот каган», *amtī anīy* «теперешняя порча», *anīy joq qaγan* «каган, не имеющий порчи» (между *anīy joq*; и *qaγan*), *türk qaγan* 'тюркский каган', *Ötükän jīš* «Отюкенская чернь»; обстоятельственная связь – *jīš olursar* «если сидит в лесистых горах»; предикативная связь – *anīy joq*, «порчи нет», *buñ joq* «печали нет, скорбь отсутствует», *qaγan olursar*, «если сидит каган». Предикативная связь, когда она осуществляется примыканием, непосредственно сближается со связью определительно-обстоятельственной, а именно – *qaγan olursar* может восприниматься как обстоятельственное словосочетание со значением «если сидит каганом», «если восседает в качестве хана».

Как уже было отмечено В.В.Радловым [21, с. 98], примыкание в древнетюркских языках имеет большую сферу распространения, чем в современных тюркских языках. Поскольку же в языке древнетюркских памятников примыкание может выступать почти универсальным способом выражения любых синтаксических отношений, отражая в какой-то мере картину древнейшего аморфного состояния тюркских языков, мы должны при установлении синтаксических связей слов учитывать их смысловую сторону. Рассмотрим в этом плане объектные словосочетания.

Объектные связи имени и глагола (или глагольного имени) выражаются постановкой зависимого имени существительного в падеже прямого или косвенного объекта, требуемого смысловым содержанием глагола переходного действия (в этом, скажем сразу, состоит сущность и назначение глагольного управления). Объектные связи в языке памятников древнетюркской письменности уже достаточно обособились от определительно-обстоятельственных, благодаря закреплению основных значений винительного падежа и некоторых значений косвенных падежей (дательного-направительного, местно-исходного и инструментального) за выражением объекта действия при переходном глаголе. Например: *Toquz er-ig egirä toqidi* (КТ, 46)

«Девять мужей он, окружив, разбил»; (КТ, 48) *Oғуз jayi ordu-γ basdı* (КТ, 48) «Враждебные огузы напали на орду»; *Ebi-n barqı-n buzdım* (X, 34) «Я разрушил их жилища»; *Ebi-n barqı-n jılqısı-n julmadım* (МЃ, 14) «Их жилища и табуны я не захватывал»; *Qizim-in qalıınsız bertim* (E, 47) «Своих дочерей я выдал замуж без выкупа»; *Qanım elim-kä taptım* (E, 14) «Я преданно служил моему хану и моему племенному союзу»; *Tenridäki kün-kä jerdäki elim-kä bökmädım* (E,7) «Солнцем на небесах и моим государством на земле я не наслаждался»; *Er erdämim-dü bökmädım* (E, 44) «Геройской своей доблестью я не наслаждался»; *Az tutuq-uγ elig-in tutdı* (КТ, 38); «Он схватил рукой азского тутука»; *Eki öküz-üg bir buqarsı-qa kölmış* (ThS, 38) «Он впряг двух волов в одну соху»; *Ölüm-tä ozmıř, ölüm-tä ozupan ögirä sebini jorıjur* (ThS, 75) «*Küvännmä qıvı qut-qa, qutluγ kiři, İnanma özün qut-qa, atlıγ kiři!* (QBQ, 26) «Не доверяйся мимолетному счастью, счастливый человек, не верь ты счастью, именитый человек!».

Рассматривая объектные словосочетания в составе предложения, где они выступают в синтагме дополнение – глагольное сказуемое (или предикативный компонент развернутого члена предложения), нельзя не согласиться с выводом И.И.Мещанинова, сделанным на основе тщательного сравнения языков различных типологий: «Решающим является не падеж с его грамматической формой, а синтаксическая позиция, занимаемая соответствующим членом предложения. Таким членом предложения является прямое дополнение тогда, когда оно выполняет возложенное на него назначение передавать предмет, на который направлено продуктивное действие»[22, с. 10].

Так, в объектных словосочетаниях имя существительное при глаголе переходного действия может факультативно стоять в форме основного (неопределенного, неоформленного) падежа. Например: *Kejik jejü, tabıřyan jejü olurur ertimiz* (Топ., 8) «Мы жили (там), питаюсь оленями и питаюсь зайцами»; *Aq termäl kečä oуraqlatdıм* (Топ., 25) «Переправясь через (реку) Ак-Термель, я приказал остановиться лагерем»; *Eligčä er tudımız* (Топ., 8) «Около пятидесяти мужей мы захватили в плен»; *Tabyač qayanta Isji Likän kelti, bir tüman ayı, altun kümüř kergäsiz kelürti* (КТ, 52) «От табгачского кагана пришел Isji Likän, он доставил множество даров и несметное количество золота и серебра»; *Jorıju barıpan, sub içipän, jař jepän ölümdä ozmıř* (ThS., 26) «Она (лошадь) быстро пошла и, попив воды, поев зелени, из-

бавилась от смерти»; *Qan olurupan ordu japmıš* (ThS., 41) «Сев ханом (на престол) он построил дворец» и т.п.

Если исходить исключительно из формы, то в таких объектных словосочетаниях следовало бы признать примыкание, а «падежное примыкание» отнести целиком к управлению, что и делается в большинстве описательных грамматик тюркских языков. Но формально-механический подход к языковым явлениям не имеет ничего общего с синтаксическим изучением языка. Любая синтаксическая конструкция определяется именно смысловым назначением ее в процессе общения [23, с. 30]. Таковым назначением глагольного управления, например, является выражение объектных связей в словосочетании. Поэтому мы должны признать способность управлять, т.е. способность образовывать объектные словосочетания, только у глаголов с семантикой переходного на объект действия. Поскольку же оформленность или неформленность объекта в памятниках древнетюркской письменности зависит зачастую от определенности или неопределенности, от конкретности или обобщенности объекта, следует рассматривать форму неопределенного падежа в объектных словосочетаниях как винительный (объектный) неформленный падеж». В этом случае следующее замечание И.А.Батмакова вовсе не покажется парадоксальным: «Хотя формально (основной падеж не управляется, тем не менее мы относим его к числу управляемых форм, если он выражает объект действия» [8, с. 14].

Переходим теперь к рассмотрению различных точек зрения на управление. В тюркском языкознании в понимании управления как одного из типов синтаксической подчинительной связи слов много противоречивого. Единства взглядов на управление нет и в русском языкознании, оказавшем и оказывающем большое влияние на тюркское языкознание.

Распространенным является мнение о том, что «грамматический процесс управления фактически связывается с употреблением падежей» [4, с. 206; 11, с. 59; 24, с. 112]. Таким образом, любой случай употребления падежной формы принимается за управление.

Во многих современных грамматиках тюркских языков содержится утверждение, что глагол может управлять не только дополнениями, но и обстоятельством (времени, места, причины, цели и образа действия) в падежной форме. При этом исследователи сами замечают, что они подводят под управление разные явления, «Однако нужно заметить, что обстоятельства (особенно обстоятельства времени и места) гораздо слабее связаны со

своим управляющим глаголом, чем, например, дополнение: обстоятельства могут относиться не столько к одному члену предложения, сколько ко всему предложению и в этом случае они могут стоять в самом начале предложения, левее зоны подлежащего» [4, с. 214].

Собственно говоря, такое понимание управления в тюркских языках ничем не отличается от точки зрения автора «Русского синтаксиса в научном освещении» (1914 г.) А.М.Пешковского, который придавал первостепенное значение формальным показателям и поэтому любую падежную форму в предложении считал управляемой. Термины А.М.Пешковского «сильное управление» и «слабое управление» имеют хождение в некоторых исследованиях по глагольному управлению в тюркских языках [25, с. 13-15; 26, с. 182]*.

А.М.Пешковский под «сильным управлением» понимал наличие необходимой связи между падежной формой имени существительного (с предлогом или без него) и «словарной или грамматической стороной глагола». В так называемом же «слабом управлении», по мнению А.М.Пешковского, внутренняя связь отсутствует: «Поскольку сочетание это выражает не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого, ясно, что оно вообще, что оно приложимо к любому глаголу» [27, с. 270].

В противовес точке зрения, когда любая падежная форма считается управляемой, отдельные языковеды предпочитают не ставить вопрос об управлении как способе синтаксической подчинительной связи компонентов словосочетания [28, с. 100; 29, с. 50]. В.А.Богородицкий со всей определенностью заявлял: «Заметим, что употребление глаголов в соединении с тем или с другим падежом представляет собой вовсе не управление глагола именем, а лишь сочетание глагола с данною падежною формою, вызванное взаимным соответствием их при выражении данной мысли» [30, с. 222]. Недооценка смысловой стороны управления приводит к его отождествлению с «категорией склонения» [31, с. 71].

Зависимость управления определенной падежной формой имени от лексического значения управляющего компонента словосочетания отмечается

---

* Последний автор заменяет понятие «слабое управление» понятием «несильного управления», которое своеобразно усматривается в сочетаниях прямо-переходных глаголов с формами дательного и исходного падежей и в сочетаниях непереходных глаголов движения с формой винительного падежа, т.е., по нашему мнению, в обстоятельственных словосочетаниях, связанных способом «падежного примыкания».

уже А.Х.Востоковым [32, с. 244] и одним из зачинателей тюркологии в России А.Казем-беком [12, с. 391-394].

Основополагающую и, пожалуй, наиболее плодотворную для понимания сущности управления мысль о необходимости отграничения категории управления от любых случаев синтаксического употребления падежных форм высказал впервые А.А.Потебня: «Чтобы понятие управления не расплзлось в туман, следует понимать под ним только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого (напр. винительный прямого объекта при действительном глаголе, падеж с предлогом при предложном глаголе, как «надеяться на Бога»). Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи. Другими словами, связь между дополняемым и дополнением может быть теснейшая и более отдаленная» [33, с. 115]. Вслед за А.А.Потебней, другой видный русский лингвист Д.Н.Овсяннико-Куликовский [34, с. 226] отметил, что косвенный падеж имени существительного (например, творительный сравнения и превращения, творительный времени, родительный даты) может примыкать к глаголу.

Отсюда с необходимостью вытекало признание отличного от управления и примыкания способа синтаксической связи слов, когда падежная форма зависит не от лексического значения глагола, а вызывается содержанием предложения в целом (Д.Н.Овсяннико-Куликовский фактически уже обосновал термин «падежное примыкание», А.М.Пешковский подводил это явление под понятие «слабого управления»).

Особо подчеркнул семантическую природу управления, решающую роль лексического значения управляющего слова Л.В.Щерба: «Следует предостеречь от общераспространенного предрассудка, будто управление слов определяется грамматикой: на самом деле оно чаще всего оказывается принадлежностью каждого слова, а поэтому является фактом словаря» [35, с. 93]. Материалы древнетюркских памятников письменности и современных тюркских языков убеждают, что управление должно быть определено как синтаксический способ выражения объектных связей (отношений объекта к переходному действию), которые в синтаксическом и лексико-семантическом плане органически едины. Управление – способ синтаксической подчинительной связи компонентов объектного словосочетания, где падежная форма зависимого (управляемого) имени обусловлена лексико-семантическим содержанием господствующего (управляющего) слова.

Историческое становление категории управления связано, в первую очередь, со специализацией винительного падежа в качестве падежа прямого дополнения при переходном глаголе [36, с. 499] и, соответственно, с выделением объектных связей из определительно-обстоятельственных. В глубокой алтайской древности, когда имя и глагол еще не разграничивались в формальном отношении [37, с. 65], а синтаксические связи выступали недифференцированно как определительно-обстоятельственные связи вообще, не было и категории управления как способа выражения объектных связей. В памятниках древнетюркской письменности уже обнаруживается достаточная дифференциация объектных и определительно-обстоятельственных связей, дифференциация имен от глаголов, дифференциация самих глаголов по категории переходности – непереходности. Однако несмотря на сосредоточение объектных значений в винительном падеже, позволяющем говорить об управлении переходных глаголов винительным падежом объекта, пережиточно в самом винительном падеже сохранились некоторые «пространственные» (обстоятельственные) значения, а в так называемых «пространственных» падежах – в какой-то мере объектные значения. Не будет преувеличением сказать, что в древнетюркском языке в известных случаях при любом самостоятельном глаголе могла быть употреблена любая падежная форма.

Так, например, в древнетюркских памятниках сохраняется пережиточно, в ограниченном числе случаев, свободное употребление аффикса винительного падежа (так называемый винительный пространственный) при непереходных глаголах движения. В свою очередь, формы косвенных падежей, выражая преимущественно обстоятельственные связи, имеют в предложении зачастую довольно свободное грамматическое употребление, независимое от других слов, и способны к взаимозаменяемости. Глубоко верно заметил О.Есперсен: «...Падеж есть категория чисто грамматическая (синтаксическая), а не понятийная в настоящем смысле слова» [1, с. 212].

Способностью управлять падежными формами имен обладает главным образом глагол в своих личных (*verbum finitum*) и неличных формах (причастие, деепричастие, имя действия и глагольное имя, обладающее свойствами имени и глагола). Форма глагола и его синтаксическая функция в предложении совершенно не влияет на его управление. Несколько своеобразнее и поэтому нуждается в специальном изучении «управление» по-

слелогов, нередко восходящих к деепричастной форме глагола, например: *tegi* «вплоть, до» (КТ, 8; *teg-* «доходить, касаться»), *aşa* «через, за, по ту сторону» (КТ, 21; *aş-* «переходить, переваливать»), *kerü* «обратно, назад»; *ker* «растягивать, натягивать» (МС, 16) и др. [9, с. 41-42].

Задачей исследования глагольного управления, как мы его понимаем, является не регистрация допустимой в составе развернутого предложения факультативной сочетаемости падежных форм с глаголом, а установление строго обязательной для каждого объектного словосочетания падежной формы имени, управляемой глаголом переходного на объект действия, и выявление смысловых, структурных и синтаксических особенностей этих словосочетаний.

В тюркских языках управление глагола является, несомненно, результатом лексико-семантических свойств самого глагола. Само лексико-семантическое свойство глагола характеризуется выражением переходности или непереходности действия. Одни глаголы выражают такие действия, которые переходят непосредственно на предмет (лицо, живое существо, предмет, явление), другие же глаголы выражают действия, не вызывая при этом представления о лицах или предметах, на которые это действие переходит. Первые принято называть переходными, вторые – непереходными. Таким образом, глагольное управление теснейшим образом смыкается с категорией переходности – непереходности глагола.

Категория переходности – непереходности распространяется прежде всего на объектный, винительный падеж. Однако объектное отношение не является всегда одинаковым и неизменным [38, с. 327]. Переходные глаголы, т.е. глаголы, обладающие способностью управлять объектом, могут иметь объект как в винительном оформленном или неоформленном падеже (прямой объект), так и в некоторых косвенных падежах (косвенный объект). В первом случае мы имеем собственно переходный (прямо-переходный) глагол, во втором случае – косвенно-переходный глагол. Для обозначения глаголов, употребляемых с объектами всех видов, вполне оправдан также термин «объектные глаголы» [39, с. 96].

Грамматически слова, выражающие объект (лицо, живое существо, предмет, явление), на который направлено действие, могут рассматриваться как особый член предложения, к которому мы применяем термин «дополнение». Управляющий же глагол (и глагольные формы) может выступа-

ть в предложении в функции как сказуемого, так и любого другого члена предложения*.

Итак, объектные связи имени и глагола оформляются грамматически падежными формами имени, связанного с глаголом определенного содержания. Соответственно при управляющем глаголе мы имеем прямое и косвенное дополнения (прямой и косвенный объекты).

При изучении глагольного управления мы исходим в первую очередь из лексико-семантических и структурных особенностей глагольных основ, выступающих как господствующий, управляющий компонент объектного словосочетания, а затем устанавливаем управляемые падежные формы имен** при различных по всей семантике и структуре группах глаголов. Как показывают немногочисленные исследования по глагольному управлению в тюркских языках, специфика глагольного управления затушевывается, если отправляться, в первую очередь, из значений и синтаксических функций падежей, подразделяя их на пресловутые «сильноуправляемые», «несильноуправляемые» и «слабоуправляемые», а затем объединять глаголы по способности сочетаться с одним, двумя, тремя и четырьмя падежами. При последнем подходе работа о глагольном управлении, которое имеет место только в объектном словосочетании, превращается в исследование о синтаксических функциях различных падежей (кроме родительного падежа) в предложении.

По своей структуре древнетюркские глаголы делятся на производные (или корневые) и производные. Производные глаголы образуются двумя путями: 1) морфологическим, т.е. аффиксацией (синтетические глаголы) и 2) синтаксическим, т.е. словосложением (аналитические глаголы). В соответствии со структурно-семантическими особенностями управляющего глагола целесообразно рассмотреть весь языковой материал древнетюркских письменных памятников сначала дифференцированно (управление корневых глаголов, управление производных аффиксальных глаголов и управление производных аналитических глаголов), а затем отметить их характерные общие черты в управлении определенными падежными формами.

* «Линия “сказуемое – дополнение” является... частным случаем более общей линии, которая вскрывается в сочетании “дополнение – управляющий глагол” (Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка, с. 212).

** Управление глаголов глагольными именами принципиально ничем не отличается от управления собственно именами и также подлежит рассмотрению в синтаксисе словосочетания.

Заметим, что управляемое имя, согласно общему для тюркских языков правилу, обычно ставится перед управляющим глаголом. Между управляемым именем (дополнением) и глаголом могут находиться ближайшие определения к глаголу – обстоятельства. Косвенное дополнение обычно отстоит дальше от глагола, чем прямое дополнение. Более свободный порядок слов наблюдается в больших рунических надписях на камне, определенно отражающих ораторскую речь древних тюрков*, и в стихотворных произведениях («Кутадгу билиг»), где инверсия обуславливается требованиями рифмы и стилистической выразительности, например: *Kelürtim ök Türk bodunuy Ötüken jerkä...* (Тон., 17) «Как только я привел тюркский народ в землю Отыюкен...»; *Ol күнтә tegti türk bodun Temir qapıyqa* (Тон., 46) «В те дни достиг (!) тюркский народ Железных ворот»; *Köni söz açıy ol, sinürgil anı, Jarın asyı kelgäj, süçitgäj seni* (QBW, 164) «Правдивое слово горько – восприми его, завтра оно пригодится и доставит тебе наслаждение»; *Munu sözlädim söz bitigin ulam, Tükättim sözümnı, qurıttım qalam* (QBW, 290) «Как обычно я изложил это на письме, я закончил свою речь и обсушил перо».

Литература

1. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
2. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове. // Вопросы грамматического строя. – М., 1955.
3. Виноградов В.В. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка». // Известия АН СССР. ОЛЯ. – М., 1954. – Вып. 6.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948.
5. Севортян Э.В. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1961. – Т. III. Синтаксис.

---

* В.В.Радлов отмечал в «Памятнике в честь Кюль-Тегина» случаи, когда прямое или косвенное дополнение, принимая на себя логическое ударение, ставится в начале предложения, впереди всех остальных его членов (Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, с. 129). Разнообразные явления инверсии мы находим и в «Памятнике Тоньюкука», хотя Г. Айдаров отрицает их наличие, за исключением «единственного примера» (Айдаров Г. О языке памятника Тоньюкука и его отношении к некоторым современным тюркским языкам. Автореф. канд. дисс. – Алма-Ата, 1959. – С. 22). Показательна попытка «исправить» инверсию в той же надписи, в результате чего «фраза хорошо укладывается в четверостишии» (Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI–VIII веков, М., 1965. – С. 145).

6. Насилов В.М. Аффиксы включения. // Вопросы языка и литературы стран Востока. – М., 1958.
7. Смирницкий А.П. Синтаксис английского языка. – М., 1957.
8. Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. – Фрунзе, 1940.
9. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. – М., 1960.
10. Боровков А.К. Природа турецкого изафета. // Академику Н.Я. Марру: сборник. – М.–Л., 1935.
11. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.–Л., 1950.
12. Казем-бек Л. Общая грамматика турецко-татарского языка. – Казань, 1946.
13. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. – II. Синтаксис. – СПб., 1987.
14. Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. – Ашхабад, 1943.
15. Лебедева Л.И. Глагольное управление в киргизском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955.
16. Коклянова А.А. Нормы согласования и современном узбекском языке. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1961. – Т. III. Синтаксис.
17. Балакаев М.Б. Основные типы словосочетаний в казахском языке. – Алма-Ата, 1957.
18. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.–Л., 1945.
19. Лесник М.Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском литературном языке. // К вопросу управления (приглагольного и приименного). – Рига, 1957.
20. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения. // Вопросы грамматического строя. – М., 1955.
21. Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. – С. 98.
22. Мещанинов И.И. Различные построения членов предложения и связи с отношениями субъекта и объекта. // Научные доклады высшей школы. «Филологические науки». – М., 1961. – № 1 (13).
23. Насилов В.М. Имена в уйгурском языке. // Вопросы языка и литературы стран Востока. – М., 1958.

24. Медведева Л.Я. Падежное управление побудительных глаголов в современном уйгурском языке. // Тюркологические исследования. – М.–Л., 1963.
25. Асланов В.И. Некоторые вопросы глагольного управления в памятниках азербайджанского языка в сравнительном освещении (переходные глаголы): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1960.
26. Офросимова-Серова Л.Г. Управление переходных глаголов уйгурского языка. // Ученые записки Института международных отношений. Сер. филологическая. – М., 1961. – Вып. 5.
27. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938.
28. Петерсон М.Н. Лекции по современному русскому литературному языку. – М., 1941.
29. Баскаков Н.А. Словосочетания в каракалпакском языке. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1961. – Т. III. Синтаксис.
30. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.–Л., 1935.
31. Баскаков Н.А. Простое предложение в каракалпакском языке. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1961. – Т. III. Синтаксис.
32. Востоков А.Х. Русская грамматика. – М., 1831.
33. Потеня А. Из записок по русской грамматике. I. Введение, II. Составные члены предложения и их замены. – Харьков, 1888.
34. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1902.
35. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. – М., 1947.
36. Десницкая Л.В. К вопросу о прохождении винительного падежа в индоевропейских языках. // Известия АН СССР. ОЛЯ. – М., 1947. – Т. VI. – Вып. 6.
37. Котвич В. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.
38. Адмоин В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М., 1935.
39. Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. – М., 1954.

Условные обозначения языковых источников

1) Древнетюркские тексты на руническом алфавите

Е – Енисейские памятники, предположительно V-XI вв.

КТ – Памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в.

Х – Памятник Бильге-кагану (хану Могилян), VIII в.

КЎ – Памятник Кули-Чуру, VIII в.

МЎ – Памятник Моюн-Чуру, VIII в.

Топ – Памятник в честь Тоньюкука, VIII в.

ThS – Гадательная книга «İrq Bitig», начало IX в.

2) Древнетюркские тексты манихейского, уйгурского и арабского письма

Chuast. – «Покаянная молитва манихейцев» (Chuastuanift), предположительно V-VII вв.

Suv. – Буддийская сутра «Altun jaruq» (Suvarnaprabhasa), предположительно X в.

Tiš. – Буддийская сутра «Tišastvustik».

QB (QBW, QBQ, QBN) – Поэма «Qutadγu bilig», сочинение Юсуфа из Баласагуна, 1069-1070 гг. Сохранились 3 рукописи: гератская или венская (уйгурским письмом), каирская и наманганская (арабским письмом).